

НАДЕЖДА СЕМЕНОВНА СИДОРЕНКО

*доктор исторических наук, доцент, заведующая кафедрой
отечественной истории и методики преподавания истории Челябинского
государственного педагогического университета (г. Челябинск)
E-mail: sidorenkons@rambler.ru.*

В статье анализируется специфика фракционной принадлежности уральского депутатского корпуса IV Государственной думы, раскрывается думская и внедумская активность депутатов, их отношение к тактической линии фракции в условиях Первой мировой войны; отношение к Прогрессивному блоку; показана взаимосвязь местных комитетов политических партий и депутатов Думы.

Ключевые слова: уральские депутаты в IV Думе, отношение к Прогрессивному блоку, внедумская активность уральских депутатов.

Эволюция думской тактики уральских депутатов в условиях Первой мировой войны

Актуальность исследования истории российского парламента в условиях Первой мировой войны определяется как сложностью данного периода в истории страны, его значимостью для понимания дальнейшего пути ее развития, так и связанностью с проблемой «укорененности» парламентаризма на российской почве. Тезис об «исторической обреченности» Думы является в целом преобладающим в отечественной историографии, в то время как в западной литературе в большей степени отмечается ее жизнеспособность. Авторы подчеркивают ошибки самой Думы, а также правящих кругов, отвергших компромисс и тем самым упустивших шанс на мирную трансформацию страны¹.

Дальнейшие исследования данного вопроса актуализируют региональный подход к изучению темы, выявление общей и специфической позиции депутатов от разных регионов страны, определения ведущих и локальных центров принятия решений. В числе наиболее значимых выступает уральский депутатский корпус, представлявший один из крупнейших промышленных и культурных регионов страны. Урал традиционно был представлен четырьмя губерниями (Вятской, Оренбургской, Пермской и Уфимской), составлявшими шестую часть площади страны и около 10 % населения².

Состав уральского депутатского корпуса в IV Государственной думе (31 чел.) отражал общую тенденцию преобладания в ней лиц умеренной политической ориентации. По итогам выборов впервые в нем была представлена консервативно настроенная часть общества. Депутаты правых фракций (17 чел.) составили 42 % его численности. Все они прошли от наиболее развитых в промышленном отношении Вятской и Пермской губерний (13 из 17-ти) и были выдвинуты от земств, съездов землевладельцев и духовенства. Это был значительный успех уральских правых. В Думе первого созыва с консервативных позиций выступал только один депутат, во вторую Думу не прошел ни один.

Сторонники либерализма составили незначительное большинство — 16 чел. (52 %) и представляли преимущественно Оренбургскую и Уфимскую губернии, имевшие менее выраженный промышленный профиль. Кроме того, эти губернии отличались многонациональным составом. В Уфимской губернии нерусское население составляло 62 %, в Оренбургской — 30 %. Среди инородцев преобладали мусульмане. Они стремились провести в Думу тех депутатов, которые, по их мнению, могли бы добиться гражданского равноправия. Таковыми выступали сторонники партии «Иттифак-эль-муслимин» и кадеты³.

Возросшее представительство правых в Думе от Урала отражало не только успех в проведении выборной кампании представителями властных структур, получившее название «делание выборов», но и определенную устойчивость местных комитетов правых партий. В третьеиюньский период они оставались одними из наиболее массовых организаций, несмотря на тенденцию к сокращению. Накануне войны ряды уральских правых насчитывали 4,9–5,9 тыс. членов и сочувствующих, что было сопоставимо с численностью леворадикальных партий. Губернские отделы СРН и других родственных им организаций имелись во всех губернских городах, в ряде уездных, а также некоторых заводских поселках и в сельской местности. Партийные органы действовали в каждой губернии. Однако разрозненность их рядов, отсутствие организационного и идейного единства ограничивали возможности идеологического воздействия на массы⁴.

Предвыборная агитация свидетельствовала о возросшем доверии правых к Думе, они призывали выбирать «лучших людей», способных к конструктивной работе. Учреждение Думы рассматривалось как одно из проявлений заботы императора о благоденствии Родины. Осуждению подвергалась позиция депутатов левых фракций, в том числе уральских, чья деятельность шла в разрез с намерением правительства⁵.

В политическом отношении уральские правые не настаивали на безусловном сохранении существовавших порядков. На страницах своих газет они заявляли, что являются сторонниками консервативного реформирования, «дорожат существующим государственным русским укладом, но в то же время, видят много недостатков в устройении Родины, болеют о них, домогаются, чтобы эти недостатки были сполна устранены, но домогаются не путем насилий, а путем постепенного усовершенствования, путем эволюции, при котором существующий строй сохраняется и поддерживается, а только недостатки в нем устраняются по мере возможности к тому»⁶.

В экономической сфере приоритетным направлением развития страны уральские консерваторы рассматривали сельское хозяйство, выдвигая в качестве основных задач повышение производительности сельского труда мерами технического характера, совершенствование системы землепользования (ликвидацией чересполосицы), а также повышение агрономической культуры и развитие сельскохозяйственных промыслов (скотоводства, огородничества и т.д.). Существенное внимание уделяли они поддержке мелкой промышленности, кустарных промыслов, имевших особое значение для решения проблемы занятости в Уральском экономическом регионе в связи с затяжным экономическим кризисом⁷.

На фоне роста демократического и забастовочного движения в стране и крае с 1910 г. и обострения рабочего вопроса уральские консерваторы заявляли о приверженности решения его законодательным путем⁸.

Среди депутатов-либералов преобладали сторонники прогрессизма. Основными требованиями их избирательной платформы были осуществление идей Манифеста 17 октября 1905 г., проведение реформы местного самоуправления, защита частного предпринимательства, достижение гражданского равноправия, защита прав и достоинства «народного представительства».

Наибольшую активность в работе IV Думы проявили депутаты либеральных фракций. Это в значительной степени определялось их личными качествами. Они отличались от уральских депутатов — правых более высоким уровнем образования, большим опытом работы в земских, городских органах управления, большей общественной активностью, многие из них имели опыт работы в Думе III созыва, а некоторые — предыдущих созывов. Более трети депутатов-либералов имели высшее образование, около половины — среднее. Стенографические отчеты Государственной думы зафиксировали их выступления по всем основным вопросам, обсуждавшимся в Думе. При этом следует отметить, что они поднимали не только региональные, но и общероссийские проблемы.

Заметный след в работе IV Думы оставили депутат от Пермской губернии — Василий Александрович Степанов — член кадетской фракции и ее секретарь; председатель специальной комиссии по рабочему вопросу при фракции (горный инженер)⁹. Убедительно и аргументированно выступал от имени фракции прогрессистов Иван Васильевич Титов (Пермская губ.) — секретарь фракции, член комиссий: бюджетной, по народному образованию, по делам православной церкви, финансовой, о торговле и промышленности, о печати (бывший депутат III Думы, бывший священнослужитель, сложивший сан)¹⁰. Защитником принципа неприкосновенности личности, развития института гражданских прав вошел в историю Думы Митрофан Иосифович Гродзицкий — депутат от Оренбургской губернии — член бюро фракции прогрессистов, член комиссий: бюджетной, по судебным реформам и по запросам (бывший депутат III Думы, имел продолжительный опыт работы окружным судьей)¹¹. Ярким оратором фракции прогрессистов, представителем «делового мира» в Думе был Александр Александрович Бубликов — депутат Пермской губернии, член комиссий: финансовой, о путях сообщения, о торговле и промышленности (инженер путей сообщений, почетный гражданин г. Екатеринбурга и Шадринска)¹².

Среди уральских депутатов — членов мусульманской фракции выделялась фигура Мухаммед-Кутлуг Батыргиреевича Гевкелева — депутата Уфимской губернии. Он являлся депутатом Государственной думы всех четырех созывов, занимал пост председателя фракции в III и IV Думах¹³. Был активным членом партии «Иттифак-эль-муслимин». Уральские депутаты-мусульмане активно использовали обсуждаемые в Думе вопросы для выдвижения требования гражданского равноправия мусульман.

Уральские депутаты правых фракций по политическим вопросам с думской

трибуны не выступали, доверяя это руководству фракции, поддерживали своими голосами решения, достигнутые при их обсуждении. Стенографические отчеты заседаний Государственной думы зафиксировали их выступления, прежде всего по вопросам, касавшимся законопроектов о крестьянах и крестьянском самоуправлении, о развитии народного образования. Такая позиция во многом определялась качественным составом депутатов: большинство из них были священнослужители со средним образованием (61,5%) и земледельцы.

Начало войны и связанная с нею чрезвычайная обстановка выдвинули на повестку дня вопрос о судьбе парламента. Вместе с большинством думцев уральские депутаты выразили полную поддержку правительству в достижении победы над врагом на июльской однодневной 1914 г. и январской 1915 г. трехдневной сессии. С трибуны Думы выступили депутаты А.В. Перевозчиков (национальная фракция) и М.-К. Тевкелев. Особую реакцию Думы получило выступление Тевкелева, так как оно прозвучало в качестве заявления от всей мусульманской фракции. В своей речи оратор заявил о готовности организовать все силы на общую борьбу, отклонить на время выдвигавшиеся ранее религиозные и национальные вопросы. Обосновывая позицию фракции, он отметил, что «...основание для определения отношения мусульман к настоящей войне вытекает из старых традиций, которые заключаются в том, что мусульмане, сражаясь за Россию с ее врагами, всегда проливали кровь одинаково и наравне с русским населением. Точно так же и теперь, в настоящую войну, когда опасность угрожает целостности Российского государства и благополучию всех ее граждан, чувства и мысли мусульман не могут быть настроены иначе, как только в один тон с чувствами и мыслями всех российских граждан»¹⁴. Выступление депутата было встречено рукоплесканиями.

В то же время, уже январская 1915 г. сессия была созвана под давлением оппозиционно настроенных думцев и поддержавшей их общественности, которые выразили желание не оставаться в стороне, а принять активное «участие» в решении общей задачи — победы над врагом. На заседаниях ЦК ведущих думских партий выработывалась тактика по отношению к Думе. Наибольшую активность проявляли либералы, но во взглядах на способы достижения цели единства мнений не было.

Уральские депутаты-кадеты активно проводили линию ЦК партии. На декабрьском (1914 г.) заседании ЦК выступил В.А. Степанов. Он призывал искать контакты с правительством (через министра А.В. Кривошеина, одного из сторонников созыва Думы) и воздержаться от требования открытой декларации¹⁵. На недопустимость и опасность жесткой конфронтации с властью в условиях военного времени акцентировал внимание бывший депутат III Думы А.Ф. Бабянский (отставной генерал-лейтенант) на июньском 1915 г. совещании ЦК партии кадетов: «Надо ясно выразить, что Дума нужна для содействия правительству. Затем в самой Думе чувство безопасности не должно позволить заниматься одними речами. Нужна будет усиленная работа в комиссиях — подобно тому, как это делается в германском рейхстаге...»¹⁶.

Руководство кадетской партии и фракции, опираясь на эти и другие авторитетные фигуры, смогло сдержать растущие радикальные настроения и давление местных

комитетов. Между тем радикальные настроения в ЦК партии и, особенно в ряде местных комитетов, были. Установку на усиление конфронтации с властью и возможность пожертвовать Думой выразил представитель левого течения уральских кадетских комитетов — Л.А. Кроль. Он, передавая настроение провинциальной общественности, заявил: «Эволюция не вызывает симпатий, ожидают переворота левыми, тогда найдется работа и общ[еству]... Поведение Думы не одобряется»¹⁷. На июньском 1915 г. совещании ЦК он подверг критике слева основной тактический лозунг — «министерство доверия», отметив, что в провинциальном обществе большую симпатию имеет лозунг прогрессистов — «ответственного министерства». Кроме того, он настаивал на соединении его с требованием политической амнистии (кадетская платформа I Думы). «Есть одно требование, которое может поднять энтузиазм — это политическая амнистия как условие доверия министерству, — подчеркнул он. — И об этом надо сказать не в форме общего пожелания «о соблюдении внутреннего мира», как здесь выражаются, а en toutes lettres» [откровенно, напрямик — Н.С.]. Формула «министерство, пользующееся общественным доверием» слишком широка и неопределенна, и требование амнистии было бы экзаменом министерству, насколько оно в действительности могло бы пользоваться общим доверием», — настаивал уральский депутат¹⁸.

Выдвижение на первый план требования политической амнистии не было случайным. Именно с ним уральские кадеты связывали возможность возвращения на родину ссыльных депутатов-социал-демократов, с которыми они смогли бы совместно возглавить рабочее движение, поскольку самим кадетам, чрезвычайно малочисленным и не имеющим широкой поддержки в массах, одним этого не сделать¹⁹.

Руководство ЦК партии кадетов остановилось на концепте «непредрешенчества», доверив фракции в ходе работы Думы самой определить программу работы. В то же время лидер партии П.Н. Милюков не скрывал возможности использования люфта, высказанного представителем от Урала Л. Кролем.

Позиция уральских депутатов-прогрессистов, составлявших большинство либеральной части депутатской группы (9 из 17 чел.), была более радикальной. В рамках работы Думы, при обсуждении декларации правительства и выработке формулы перехода к текущим делам они открыто поддержали лозунг фракции «ответственного министерства», заявив, что «правительство в данном его составе при настоящих силах не в состоянии будет принять действительных мер для развития производительных сил страны...»²⁰.

На совещаниях фракции уральские депутаты поддержали идею выработки некоей программы, которая могла бы стать основой для сплочения большинства Государственной думы вокруг нее. Такой программой вскоре стала программа блока, отвечавшая намерению оппозиции усилить давление на верховную власть²¹.

Вне Думы они приняли активное участие в работе по «организации общественности». А.А. Бубликов — представитель «делового мира» в Думе — прилагал усилия по привлечению на сторону блока «объединенной» буржуазии — Совета съездов представителей промышленности и торговли. Однако идею

превращения экономической организации в политическую, приняло лишь меньшинство Совета во главе с Бубликовым, большинство высказалось за сохранение внепартийного характера своей организации²². Вместе с тем Совет активно использовал услуги депутатов в целях реализации идеи создания Высшей экономической комиссии по разработке основных проблем послевоенной экономической политики. Активно содействовали реализации этого проекта уральские депутаты А.А. Бубликов и секретарь фракции прогрессистов И.В. Титов. В состав созданной несколько позднее финансово-экономической комиссии вошли представители девяти думских фракций — от кадетов и правее²³. Осторожность, неспешность верховной власти в подходах к его формированию и деятельности вызывала стремление депутатов подтолкнуть правительство на этом пути. На пятой сессии Думы Титов, аргументируя ускорение в решении этого вопроса, заявлял, что «это вопрос нашего будущего развития после войны, благо на это возлагается очень много надежд»²⁴.

Уральские депутаты-прогрессисты активно поддержали идею создания совещаний по обороне, военно-промышленных комитетов и других общественных организаций, направленных на содействие скорейшей победы над врагом. Однако, как отмечают исследователи, эти шаги не были лишены и корыстных интересов, связанных со стремлением усилить влияние на принятие решений финансового и экономического характера, организации общественности вокруг этих новых учреждений для последующих шагов по пути к власти²⁵.

Создание Прогрессивного блока стало фактором дальнейшей эволюции думской тактики уральских депутатов в сторону политизации. Отношение к блоку было различным. Вошли в него и активно включились в проведение его программы депутаты-кадеты и прогрессисты. С большой осторожностью и сомнением присоединилась к нему часть уральских депутатов, умеренно-правых и националистов, вероятно, подчинившись фракционной дисциплине. Об этом можно судить по сохранившейся корреспонденции одного из депутатов — Захария Михайловича Благодрава. На следующий день после своего выхода из фракции националистов и умеренно-правых и присоединения к фракции прогрессивных националистов он спешил сообщить: «Вся надежда возложена на Гос[ударственную] думу, но она едва ли оправдает их»²⁶.

Позиция мусульманской фракции определилась в начале 1916 г. Поскольку она не получила приглашения для участия в блоке, ее отношение к нему определялось политической программой и тактикой его деятельности. Депутаты использовали критический потенциал блока преимущественно для выдвижения требований уравнения мусульман в гражданских правах с русским населением и решения земельного вопроса. Под влиянием общественности и по инициативе председателя фракции Тевкелева в феврале 1916 г. при фракции было создано совещание с участием видных общественных деятелей из числа мусульман. На нем после длительных дискуссий было решено присоединиться к блоку только в том случае, если в программу его будут внесены требования об отмене ограничений в юридических правах мусульманского населения России²⁷.

Не вошли в блок уральские депутаты правой фракции. Критикуя программу и деятельность блока, уральские депутаты-правые в то же время не разделяли крайних настроений, связанных со стремлением к роспуску Думы. В своих выступлениях они поддержали линию фракции на ограничение Думы в ряде второстепенных прав: права задавать вопросы по необсуждаемым делам, права предъявлять запросы председателю Совета министров, а также сокращения времени прений. Аргументация их была немногословна, выражения простоваты. Так, при обсуждении Наказа, вятские депутаты Кузьма Егорович Городилов, Касьян Антонович Тарасов (оба волостные судьи), высказались за ограничение времени дебатов: «Мы уже два года только и знаем, что слушаем длинные речи, а еще ничего не слышали для пользы страны и равным счетом мы для этого ничего не сделали...»²⁸. Свое мнение они обосновывали тем, что стремятся добиться ускорения прохождения законопроектов, и желают «сделать Думу более продуктивной для деловой законодательной работы»²⁹.

В исторической литературе по-разному оценивают позицию правых фракций, выступивших на стороне верховной власти. В советской историографии и научной литературе 1980 — середины 1990-х годов ее рассматривали как обстоятельства, мешавшие налаживанию сотрудничества Думы и правительства. Со второй половины 1990-х годов оценки становятся более сдержанными. А.Ф. Смирнов, хотя и признает, что правительство накануне Первой мировой войны перешло в наступление на законодательные права Думы, в то же время отмечает стремление самой Думы «поскорее и полочнее обуздать императора. Обе стороны были поглощены борьбой за власть, на иное уже и времени не доставало»³⁰. Ф.А. Гайда, анализируя работу депутатов-членов блока на четвертой и пятой сессии Думы, также приходит к выводу о том, что в законотворческой работе Думы они отдавали явное предпочтение декларации, рассматривая ее властным институтом, способным формировать взгляды собственного электората. В условиях фактической невозможности проведения нужных либералам законопроектов они свели свою думскую деятельность к достижению наиболее значительного пропагандистского эффекта, достигаемого политическими речами и запросами³¹.

Выступления уральских депутатов-либералов в полной мере соответствовало линии блока. Стенографические отчеты зафиксировали их развернутые речи, направленные на критику внутренней политики правительства, методов и приемов управления. Даже при обсуждении вносимых законопроектов, в том числе по инициативе самих думцев, они переносили акцент не на практическую сторону дела, а на предъявление тех или иных требований (введение прогрессивного налога, ограничение цензуры и др.). Так, при обсуждении внесенного правительством (в условиях войны) закона о введении цензуры с резкой критикой его в либеральном смысле выступил А.А. Бубликов. Он настаивал на необходимости ограничения цензуры только военной областью, успев, правда, при этом высказать ряд оценочных суждений в адрес бывшего военного министра В.А. Сухомлинова. Фактически депутат проводил либеральную идею ослабления цензурных ограничений, открывавших возможность усиления влияния в прессе, использования ее в целях

организации общества. Поправка кадетской фракции получила поддержку большинства Государственной думы, и законопроект был передан комиссии для рассмотрения³².

Критический тон депутатов в Думе поддерживали местные либеральные комитеты и группы. Их взаимодействие возросло в связи с прекращением работы четвертой сессии 3 сентября 1915 г. Прогрессисты усилили пропагандистскую работу на местах. В сентябре 1915 г. в Оренбург приезжал депутат Е.Г. Колбинцев, в октябре — М.И. Гродзицкий. В выступлениях они призывали активизировать участие общества и местных земств в деле «полезного сотрудничества и контроля»³³.

Препятствуя распространению проправительственных печатных изданий, либералы, укрепившиеся в земских органах управления, перешли к закрытию библиотек-читален. Так, в 1915 году Уфимским губернским земством было закрыто 664 библиотеки; шестью уездными земствами Вятской губернии — 220, а Вятское губернское земство отказалось субсидировать оставшиеся. Причиной этого явилось неприятие либеральными земствами края решения правительства о передаче библиотек-читален под контроль инспекторов училищ³⁴.

В кадетских комитетах Урала все громче звучали голоса радикально настроенных, выражавших недовольство курсом П.Н. Милокова на «выравнивание кадетской партии направо». Так, в решениях Саратовского областного съезда партии кадетов 10–11 октября 1915 г. с участием представителей от Урала и было предложено вместо ориентации на Прогрессивный блок — выдвинуть основным тактическим лозунгом — требование «изоляции правительства» и «организацию масс», ориентируясь на контакты с социалистическим движением³⁵.

Эти же идеи настойчиво проводил представитель от Урала — Л.А. Крель на VI съезде конституционно-демократической партии в феврале 1916 г. Он настаивал на том, что блок сослужил уже свою пользу: он показал, что нынешняя власть даже скромные требования блока принять не хочет, он показал всю непригодность нынешней власти. «Поэтому, — подчеркнул он, — законодательная часть программы блока нас не интересует. Важнее вопрос: какое министерство могло бы переменить существующие методы управления страной»³⁶. В этой ситуации Л.А. Крель считал необходимым для партии больше прислушиваться к голосу демократии и не отказываться от возможности использования революционных методов борьбы.

Руководству партии удалось сдержать радикальные настроения делегатов съезда и провести резолюцию, закрепляющую линию партии, основанную на сохранении блока и продолжении реализации его программы.

Однако работа пятой сессии, начавшаяся 1 ноября 1916 г., свидетельствовала о том, что прогрессивное большинство Думы продолжило линию не столько на сотрудничество с правительством, сколько на организацию давления на него, даже в ущерб законотворческой деятельности.

Уже при обсуждении правительственной декларации они высказали неудовлетворенность ею и действиями правительства Штюрмера, возлагая на него основную вину за расстройство экономики, вздорожание жизни и рост социальной напряженности, выдвигая в качестве альтернативы создание Правительства

общественного доверия. «Декларация правительства темнее ночи», — заявил Бубликов³⁷. От имени мусульманской фракции выступил Тевкелев, заявив, что правительство оказалось неспособным использовать патриотическое настроение населения страны во имя достижения победы: «Власть, призвав страну к единению, — заявил он, — сама не только не пошла к ней навстречу, но даже вступила с нею в борьбу с энергией, достойной иного, лучшего применения». Депутат высказался в поддержку требований Прогрессивного блока, а также за проведение в жизнь ряда неотложных мер, направленных на отмену всех ограничений иноверцев, и за изменение положения о выборах в Государственную думу³⁸.

Политизация в деятельности Думы, связанная с тактическими приемами сторонников блока, не могла оставить в стороне и ее противников. Уральские депутаты-правые повысили свою активность. Решение политических вопросов они доверили руководству фракции, поддерживая его своими голосами. Стенографические отчеты зафиксировали выступления уральских депутатов-правых, преимущественно по обсуждению предложенных правительством законопроектов.

Характерным в этом отношении было заявление вятского депутата священника Стефана Александровича Попова: «Убеждения не перчатки, чтобы отцы духовные могли бросать их под впечатлением минуты... в дни кровавой битвы страждущей родины». Депутат видел главной задачей не участие в политической борьбе, а выполнение промысла Божия «быть ангелом хранителем мощи духа народного и на боевых позициях, и в тылу у армии, народного мужества, народного самообладания, народного спокойствия и святой покорности народа пред тяжкими испытаниями, ниспосланными Провидением, ничем, никакой внутренней борьбой неотвлекаемого долга все силы, все средства привести на алтарь отечества для победного конца войны, для упрочения славного и долгого мира»³⁹.

Опасение досрочного роспуска парламента заставило думскую оппозицию быть более осторожной. Депутаты перешли к практической работе. 19 ноября в Думе с декларацией правительства выступил новый премьер А.Ф. Трепов, сменивший на посту Б.В. Штюмерера. В повестке дня стояло обсуждение продовольственного вопроса. Правительство предложило пойти на отмену твердых цен, всякого рода реквизиций и других регулирующих мер, стеснявших свободу частного предпринимательства. Прогрессивный блок выдвинул свои требования: установление правительства доверия и твердых цен на хлеб. В формуле перехода к очередным делам оппозиционное большинство, повторяя основные мотивы выступления П.Н. Милюкова и других ораторов Прогрессивного блока, требовало устранить влияние «темных сил», создать кабинет, готовый «в своей деятельности опираться на Государственную думу и провести в жизнь программу ее большинства». Либералы уже начинали обсуждать возможные кандидатуры министров. В числе руководителей кадетской фракции активное участие в этой работе принимал и пермский депутат В.А. Степанов. Ориентируясь на поддержку общественности, в декабре 1916 г. ими был поддержан запрос социал-демократической фракции «О запрещении съездов», направленный на очередное наступление против правительства. Эти и некоторые другие шаги вплотную подвели Думу к открытому разрыву с властью.

Только правая фракция Думы выступила в эти дни с критикой действий Прогрессивного блока и в поддержку правительства. Вятский депутат Николай Васильевич Жилин, поддерживая правительственную программу, акцентировал внимание на попытку составителей запроса «О состоянии продовольственного дела в Империи» придать ее рассмотрению политический характер. Одновременно он высказал сомнение в возможной эффективности плана упорядочения продовольственного дела, предложенного Прогрессивным блоком. Как член комиссии по продовольствию он резко критиковал характер ее работы за нерегулярность заседаний, невнимательное отношение к мнению депутатов-крестьян. По его мнению, она не выполнила принятые на себя обязательства. Депутат предложил в сложившейся критической ситуации «безотлагательно и совместно с правительством общими силами выработать закон для борьбы с дороговизной»⁴⁰.

Другой попыткой уральских правых депутатов поддержать правительство в условиях нарастания политической напряженности стало выступление в Думе против резолюции Прогрессивного блока по запросу социал-демократов. Их поддержали и те, которые присоединились к блоку. Депутаты выразили свое уважение общественным организациям, работавшим на оборону страны, но одновременно заявили свое несогласие со вступлением их на путь политической борьбы. Так, С.А. Попов от имени фракции независимых правых заявил: «...что касается обстоятельства, о котором у нас сейчас идет речь, — по поводу запрещения съездов в Москве, а также разгона полицией этих съездов, то, по мнению группы, вопрос этот здесь освещен односторонне...». Считая, что принятием политических резолюций они превысили круг своих полномочий, он высказался за признание их незаконными. «По этим соображениям, — резюмировал он, — группа правых независимых не может присоединиться к резолюциям не только прогрессистов, но и прогрессивного блока»⁴¹.

Последовавшую вскоре приостановку работы Думы уральские правые депутаты приняли как неизбежную реакцию на притязания думского большинства. На возобновившихся 14 февраля 1917 г. заседаниях Думы они вновь выступили в поддержку правительства и с критикой действий Прогрессивного блока, стремившегося использовать тактику запросов с целью обвинения правительства в неспособности вывести страну из кризиса и довести ее до победного конца. По запросу блока о состоянии продовольственного дела выступил вятский депутат К.Е. Городилов. Он напомнил думцам, что закон о твердых низких ценах на хлеб, «который погубил страну ... убил всю торговлю и все земледельческое хозяйство», приняла «сама Государственная дума с участием Милюкова, Шидловского и Шульгина». Перефразировав известную фразу П.Милюкова, он отметил что, именно «грубый просчет, или коварный расчет Прогрессивного блока, привел к той тяжелой ситуации с продовольствием, которая сложилась в стране в настоящее время, к обострению противоречий между городом и деревней, к «натравливанию одного класса на другой»⁴².

В словах уральского депутата были реальные основания к обвинению Прогрессивного блока. Современные исследования показали, что одной из причин

кризиса с продовольствием в стране, возникшего в годы Первой мировой войны, было введение твердых цен на зерно и муку для закупок и заготовок, необходимых армии. Как указывает Г.Е. Корнилов, эти меры оказались неадекватными в сложившейся ситуации, так как при нарастающей инфляции и сокращении рынка потребительских товаров держатели хлеба отказывались продавать его по твердым ценам. Так, в Пермской губернии в конце 1916 г. создалась ситуация, когда при наличии многомиллионных запасов хлеба в деревне городское население осталось на грани недоедания и голода⁴³.

Об опасности сложившейся ситуации и с призывом сплотиться вокруг правительства выступил вятский депутат К.А. Тарасов: «Что нас, гг. дальше ожидает, если мы будем дальше продолжать один на другого валить вину...»⁴⁴.

Развернувшиеся вскоре революционные события прервали работу Думы. Ряд уральских депутатов-либералов активно включились в ее движение, вошли в состав Временного правительства, были его комиссарами. Однако дальнейшее развитие революции не было ими принято. Многие из них перешли к активной борьбе против большевиков. Судьба многих уральских депутатов остается до сих пор неизвестной.

Таким образом, нарастание оппозиционных настроений в Думе в связи с затягиванием сроков военных действий, не оставило в стороне уральских депутатов. Либеральная часть уральской депутатской группы активными действиями в Думе и за ее пределами поддержала программу и тактику Прогрессивного блока.

Позиция уральских депутатов-правых была более последовательной. В то же время раскол правой фракции в Думе и переход части умеренных правых на сторону Прогрессивного блока свидетельствовал о проявлении политизации и в этой среде. Объективно это ослабляло позицию власти в условиях нарастающего политического кризиса.

¹ Власть и реформы: От самодержавной к советской России. СПб., 1996; Демин В.А. Государственная дума России (1906–1917): Механизм функционирования. М., 1996; Смирнов А.Ф. Государственная дума Российской империи 1906–1917 гг.: Историко-правовой очерк. М., 1998; Леонтович В.В. История либерализма в России. М., 1995; Вишневецки Э. Либеральная оппозиция в России накануне Первой мировой войны. М., 1994; и др.

² Полное географическое описание нашего отечества (Урал и Приуралье). Пг., 1915. Т. 5. С. 3–16.

³ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия третья. СПб., 1915. Стб. 291–331.

⁴ Сидоренко Н.С. Монархические партии и промонархические организации Урала в процессе эволюции государственно-политической системы России в начале XX века: Автореф. дисс. ... д. ист. н. М., 2006. С. 33.

⁵ См.: Самозащита. 1912. 8, 22 июля (Екатеринбург).

⁶ См.: Программа Екатеринбургского отдела СРН // Самозащита. 1912. 10 июня; Правые и левые // Глазовская речь 1912. № 5.

⁷ См.: *В. Н-ский*. Накануне нищеты // Глазовская речь. 1912. № 6; Самозащита. 1912. 24 июня.

⁸ См.: Программа группы националистов // Новое время. 1908. 29 января.

⁹ *Николаев А.Б.* Степанов Василий Александрович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917. Энциклопедия. М., 2008. С. 589–590.

¹⁰ *Николаев А.Б.* Титов Иван Васильевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1917. Энциклопедия. М., 2008. С. 612–613.

¹¹ *Николаев А.Б.* Гродзицкий Митрофан Иосифович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917. Энциклопедия. М., 2008. С. 150.

¹² *Николаев А.Б.* Бубликов Александр Александрович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917. Энциклопедия. М., 2008. С. 68–69.

¹³ *Усманова Д.М.* Тевкелев Мухаммед-Кутлуг Батыргиреевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1917. Энциклопедия. М., 2008. С. 607.

¹⁴ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия третья. Стб. 34.

¹⁵ Протоколы Центрального комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 1997. Т. 2. С. 490.

¹⁶ Протоколы Центрального комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. М., 1998. Т. 3. С. 159–160.

¹⁷ Съезды и конференции конституционно-демократической партии: 1905–1920 гг. / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2000. Т. 3. Кн. 1. С. 143; Протоколы Центрального комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. Т. 3. С. 36, 44.

¹⁸ Протоколы Центрального комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. Т. 3. С. 185.

¹⁹ Там же. С. 143.

²⁰ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. СПб., 1916. Стб. 672, 1110.

²¹ *Гайда Ф.А.* Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917 г.). М., 2003. С. 90, 94; РГИА. Ф. 699. Оп. 1. Д. 16. ЛЛ. 4–13 об.

²² *Селецкий В.Н.* Прогрессизм как политическая партия и идейное направление в русском либерализме. М., 1996. С. 293–295; *Гайда Ф.А.* Указ. соч. С. 167; *Дякин В.С.* Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны. 1914–1917. Л., 1967. С. 146–151.

²³ *Флоринский М.Ф.* Кризис государственного управления в России в годы Первой мировой войны. Л., 1988. С. 83, 93.

²⁴ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. СПб., 1916. Стб. 3762.

²⁵ *Гайда Ф.А.* Указ. соч. С. 90, 94; *Смирнов А.Ф.* Указ. соч. С. 508 и др.

²⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1042. Л. 32; *Коцюбинский Д.А.* Русский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М., 2001. С. 202.

²⁷ Мусульманские депутаты Государственной думы России. 1906–1917 гг. Сб. док. и материалов / Сост. Л.А. Ямаева. Уфа, 1988. С. 208–207.

²⁸ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. СПб., 1914. Ч. 1. Стб. 1630–1631.

²⁹ Там же. Стб. 1253.

³⁰ Смирнов А.Ф. Указ. соч. С. 471–472.

³¹ Гайда А.Ф. Указ. соч. С. 48.

³² Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. СПб., 1916. Стб. 1696.

³³ Уфимский край. 1915. 15 августа; Оренбургское земское дело. 1915. 9 октября. С. 15.

³⁴ Старый спор // Уфимский край. 1915. 6 февраля.

³⁵ Сидоренко Н.С. С мечтой о великой России: уральские консерваторы и либералы в Государственной думе. М., 2005. С. 140–141.

³⁶ Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 3. Кн. 1. С. 272–273.

³⁷ Гайда Ф.А. Указ. соч. С. 186.

³⁸ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. СПб., 1915. Стб. 1407.

³⁹ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия пятая. СПб., 1917. Стб. 634–636.

⁴⁰ Там же. Стб. 703, 711–712.

⁴¹ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия пятая. Стб. 1239–1240.

⁴² Там же. Стб. 1570–1571.

⁴³ Корнилов Г.Е. Аграрное развитие и создание системы продовольственного обеспечения в первой половине XX века // Россия в XX веке: Реформы и революции. М., 2002. Т. 1. С. 509.

⁴⁴ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия пятая. СПб., 1917. Стб. 1672–1673.